

УДК 342.565.2

ПРЕДЕЛЫ УСМОТРЕНИЯ ПРИ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ
КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА

Л. А. Шарнина

Аппарат Совета Федерации

Поступила в редакцию 26 декабря 2017 г.

Аннотация: рассмотрены направления интернационализации конституционного права, обоснована необходимость ограничения усмотрения органов власти, осуществляющих включение инациональных и наднациональных элементов в отечественное конституционное право, определены виды пределов усмотрения при интернационализации конституционного права. Показана роль Конституционного Суда РФ в конкретизации этих пределов и обеспечении их блокирующего действия при осуществлении гармонизации законодательства, имплементации международных договоров Российской Федерации в отечественную правовую систему, а также при исполнении постановлений Европейского суда по правам человека.

Ключевые слова: усмотрение, дискреционные полномочия, пределы усмотрения, интернационализация, международные договоры, постановления Европейского суда по правам человека, правовые позиции Конституционного Суда РФ.

Abstract: in the article the author considers the directions of the internationalization of the constitutional law, justifies the need to limit discretion of authorities, enabling the non-national and supranational elements of domestic constitutional law, defines the limits of discretion in the internationalization of constitutional law. Shows the role of the Constitutional Court of the Russian Federation to specify those limits and ensure their blocking action in the implementation of harmonization of legislation, implementation of international treaties of the Russian Federation in the domestic legal system, as well as the execution of judgments of the European Court of human rights.

Key words: the discretion, the discretionary powers, the limits of the discretion, internationalization, international contracts, decisions of the European Court of human rights, legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation.

Со времени правления Петра I Россия находится в школе у стран, более продвинутых в экономическом и культурном отношении. Мы учились у голландцев, немцев, французов, американцев. Заимствовались не только технические достижения и законодательство, но и сам образ жизни. Подобное масштабное ученичество по широте охвата и по длительности осуществления поистине беспрецедентно, не имеет повторений ни у одного народа.

За более чем трехвековой период истории были лишь малые отступления от вектора интернационализации: в правление императоров Николая I и Александра III, когда начатые преобразования и реформы были свернуты, а также в советское время, характеризующееся собственным оригинальным направлением государственного строительства. Но в 1990-е и последующие годы отечественная правовая система вновь пережила волну преобразований в духе западных образцов, наибольшее число которых пришлось на конституционное право. На российскую почву был перенесен ряд институтов, связанных с организацией власти в государстве, опытом регулирования которых Россия не обладала. Среди них: федеративное устройство, местное самоуправление и разделение властей и др.

Так, несмотря на провозглашение в январе 1918 г. Российской республики федеративным государством, у нее отсутствовали юридические признаки федеративного государства: не было ясности, какие территориальные единицы являются субъектами Федерации, как разграничиваются полномочия между Федерацией и ее субъектами, в Верховном Совете РСФСР не было палаты, являвшейся органом представительства субъектов Федерации. Поэтому до принятия Федеративного договора (31 марта 1992 г.) Россия де-факто была унитарным государством с национальными автономными образованиями: автономными республиками, автономными областями и автономными (национальными) округами. Наделение Федеративным договором всех территориальных единиц Российской Федерации статусом субъектов Федерации, разграничение в Конституции РФ предметов ведения и полномочий между ними и Российской Федерацией по принципу дуалистического федерализма, предполагающему автономное осуществление предметов ведения и полномочий каждым из уровней власти, закрепление положения о равноправии субъектов Федерации, заложило абсолютно новое территориальное устройство, не согласующееся с предшествующей многовековой практикой территориальной организации власти, а также практикой построения европейских федераций, основанных на принципе кооперативного федерализма.

Другой важнейшей новеллой стало утверждение местного самоуправления на основе принципа его отделения от государственной власти. Даже для Европы, в которой местное самоуправление встроено в механизм государственной власти, унифицированы модели местных органов, исключено перенесение частнопроводных конструкций (не допускается банкротство муниципальных образований и др.), эта идея выглядела бы радикальной. В нашей же стране на фоне существовавшего ранее признания административно-территориальных единиц территориальными пределами юрисдикции для местных органов государственной власти и управления и полного отрицания местного самоуправления она носила едва ли не революционный характер.

Такого же действия были нововведения, касающиеся положения судебной власти в системе разделения властей. На суды была возложена

обязанность прямого применения конституционных норм при разрешении индивидуальных споров; наряду с абстрактным, введен конкретный судебный конституционный контроль, позволяющий гражданам и организациям оспаривать нормативные правовые акты, примененные в конкретном деле и нарушающие права и свободы граждан; расширены рамки судебного контроля с включением в него всех форм осуществления публичных полномочий, в том числе полномочий органов дознания и следствия; для значительного числа отношений в качестве первичного уровня рассмотрения споров установлено судебное разбирательство; закреплены гарантии самостоятельности и независимости судебной власти, выводящие ее из-под какого-либо внешнего контроля.

Помимо заимствования иностранных теорий и нормативных конструкций в Конституции и законодательстве, были установлены параметры непосредственного влияния западной правовой традиции на российскую правовую систему. Во-первых, ч. 4 ст. 15 Конституции РФ общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международные договоры Российской Федерации были признаны составной частью правовой системы России и закреплен приоритет международных договоров Российской Федерации над законами. Во-вторых, Федеральным законом от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ¹ была признана юрисдикция Европейского суда по правам человека по вопросам толкования и применения Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней и установлена обязательность исполнения казуальных решений о соответствии Конвенции действий российских органов власти.

Все направления интернационализации конституционного права: гармонизация законодательства; действие международных договоров Российской Федерации; исполнение решений Европейского суда по правам человека, – направлены на включение в позитивное право элементов, появившихся в инородной среде, оформившихся в нормативные конструкции с участием представителей иных правовых культур, воспринявших отличные от российских социальные, экономические и политические традиции. Механическое их включение неминуемо порождает проблему «совместимости с менталитетом народа», влечет за собой эффект противодействия в виде «искаженных представлений о заимствованных институтах, наполнения их иным содержанием»².

В связи с этим интегрирование в конституционное право инациональных или наднациональных элементов должно иметь пределы как формально-нормативного, связанного с соблюдением установленных процедур, компетенции, требований к иерархии форм права, так и содержательного свойства, представляющего собой ограничения по включению в правовую систему правовых положений, противоречащих националь-

¹ О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней : федер. закон от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 14. Ст. 1514.

² Зорькин В. Д. Конституционно-правовое развитие России. М., 2011. С. 644–645.

ному правосознанию и не согласующихся с социально-экономическими, культурными, духовными условиями жизни в стране.

Данные пределы должны распространяться на все органы власти, вовлеченные в процесс интернационализации: на законодательные органы – при включении заимствований иностранных теорий и нормативных конструкций в законодательство, при ратификации международных договоров; на исполнительные органы – при заключении международных договоров, их утверждении; применении Конституции и законодательства Российской Федерации, общепризнанных принципов и норм международного права, положений международных договоров Российской Федерации, правовых позиций Европейского суда по правам человека, а также при исполнении вынесенных в отношении России постановлений Европейского суда по правам человека; на судебные органы – при применении Конституции и законодательства Российской Федерации, общепризнанных принципов и норм международного права, положений международных договоров Российской Федерации, правовых позиций Европейского суда, при исполнении вынесенных в отношении России постановлений Европейского суда по правам человека, а также при толковании Конституции и конституционном истолковании положений законов.

Как верно подчеркнул Председатель Конституционного Суда РФ профессор В. Д. Зорькин: «Конституция Российской Федерации четко и недвусмысленно закрепляет абсолютный приоритет своих положений над любыми иными правовыми предписаниями, в том числе и над актами международно-правового характера»³. Поэтому нормативными пределами интернационализации выступают положения Конституции РФ, но не в вольной интерпретации законодательных, исполнительных и даже судебных органов власти, а в истолковании Конституционного Суда РФ, который обладает монополией на ее толкование⁴. Вынесенные Конституционным Судом РФ правовые позиции обязательны для них. Если в отношении конкретного нормативного акта или не вступившего в силу международного договора Российской Федерации Конституционным Судом РФ не вынесено конкретного решения, у законодательных и правоприменительных органов сохраняется возможность творческого восприятия вынесенных ранее правовых позиций Конституционного Суда РФ, их интерпретации в привязке к предмету регулирования соответствующих правовых положений с иностранным элементом. Если же в отношении правового акта или договора вынесено казуальное решение, то орган власти, наделенный полномочиями по интернационализации правовой системы, лишается значительной доли усмотрения и призван точно исполнить решение Конституционного Суда РФ. Так, при признании не вступившего в силу международного договора Российской Федерации

³ Зорькин В. Д. Конституционный Суд в историческом контексте : размышления к юбилею Конституционного Суда // Права человека. 2011. № 11 (68). С. 12.

⁴ См.: Зорькин В. Д. Предел уступчивости // Рос. газета. 2010. 29 окт.

или его отдельных положений не соответствующими Конституции РФ Государственная Дума не может его ратифицировать, а соответствующие федеральные органы государственной власти – утвердить или иным образом ввести в действие.

Б. С. Эбзеев, оценивая представления о суверенитете в соответствии с демократическим видением организации социума, подчеркнул наличие пределов у всех демократических институтов. При этом он отметил, что устанавливаемые положительным правом границы не должны носить произвольный характер, а исходить из разумных естественных пределов. «Мудрость законодателя заключается в адекватном определении этих пределов, исходя при этом не из абстрактных мифологем, а реальных условий развития собственной страны и ее места в современном мире. Институты демократии, закрепленные в Конституции России и нормируемые федеральным законодателем с учетом особенностей переживаемого страной исторического этапа и потребностей общества, должны быть гарантированы от использования в целях, противных их назначению, включая дезорганизацию государства или подрыв его конституционного строя»⁵.

То есть у дискреции органов государственной власти, помимо нормативных пределов, существуют естественные пределы, включающие в себя нормы морали⁶, законы формальной логики, физические⁷, социальные, экономические⁸, политические, управленческие и иные законы и закономерности, которые представляют собой критерии выбора дискреционного решения исходя из наличных фактических обстоятельств, не поддаются прямому и исчерпывающему нормативно-правовому закреплению, носят выводной характер и устанавливаются естественным правом.

Так, можно выделить следующие политические законы, имеющие вневременной характер и являющиеся своего рода политическими аксиомами власти:

1) *ultra posse nemo tenetur*: никто не может быть обязан делать невозможное. Причем речь идет не только об объективно невозможном, но и невозможном по субъективным причинам. Поэтому в общественном и политическом развитии необходимо следовать закону последовательности. Пренебрежение этим законом не может остаться безнаказанным. Как верно заметил И. А. Ильин: «Химерические и утопические затеи не только подрывают доверие к власти, веру в политическую организацию

⁵ Эбзеев Б. С. Конституция, государство и личность в России : философия российского конституционализма // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 11. С. 22.

⁶ См.: Березин А. А. Пределы правоприменительного усмотрения в деятельности ОВД // Рос. судья. 2006. № 7. С. 36.

⁷ См.: Ермакова К. П. Понятие и субъективные пределы судебного усмотрения // Журнал рос. права. 2009. № 8. С. 93–94.

⁸ См.: Гаджиев Г. А. Объективная природа правовых принципов и их учет в хозяйственном законодательстве // Законодательство и экономика. 2004. № 5. С. 4–8.

вообще и волю к государственному строительству, но просто разлагают и губят государство»⁹;

2) наделение государственной властью должно происходить только через правовые полномочия, т. е. полномочия, получившие правовую санкцию в соответствующих формах права. Полномочиями, не имеющими правовой санкции, являются не только самовольно захваченные, но и установленные правовыми нормами на условиях широкой дискреции, не ограниченной нормативными пределами в виде условий и возможных вариантов реализации. Имея лишь общую правовую санкцию в виде закрепления в конституции или законе наименования полномочия (функции), на практике они способны вызвать дефективные явления в виде непризнания власти и усиления политической дезорганизации. Данное правило не имеет исключений в экстремальных условиях обострения политической обстановки и кризиса в стране. Как отметил В. Д. Зорькин, «демократия и правовое государство должны защищаться от неправовых (антиправовых) и недемократических (антидемократических) действий исключительно правовыми и демократическими методами»¹⁰;

3) экономичность правового порядка: формальные нарушения (процедуры, формы и др.) не должны вести к ничтожности правового акта или действия, если по существу и содержанию они являются законными; если существует простая возможность осуществления права или удовлетворения интереса, то правовой порядок не должен поощрять использование более сложных и дорогостоящих механизмов и процедур;

4) единство права, являющееся следствием единства государственной власти: нормативно-правовое регулирование должно быть недвусмысленным и единым, не могут признаваться в качестве допустимых исключения или противоречащие друг другу правила, между различными формами и источниками права должны закрепляться иерархические связи;

5) государственная власть должна осуществляться лицами, удовлетворяющими политическому и этическому цензам (способность к организации, дисциплине, наличие политического правосознания, умение различать публично-правовую и частноправовую сферы и др.), эти лица должны быть способны осуществлять возложенные на них полномочия;

6) государственная власть должна быть направлена на удовлетворение общего интереса. Злоупотребление властью происходит в случаях, когда обладатель полномочий действует в целях извлечения личной и (или) групповой, в том числе и в пользу третьих лиц, политической¹¹, ма-

⁹ Ильин И. Общее учение о праве и государстве. М., 2006. С. 370.

¹⁰ Зорькин В. Д. Конституционно-правовое развитие России. С. 505.

¹¹ Использование лицом, занимающим государственную должность, властных полномочий в целях противоправного извлечения собственной политической выгоды или политической выгоды своих соратников рассматривается в соответствии с нормами международного права как одна из форм политической коррупции (см.: Ковлер А. С. «Европейский публичный порядок» и проблемы недобросовестной политической конкуренции : практика Европейского суда по правам челове-

териальной или иной выгоды, а также исходя из неверно понятых общественных интересов.

Конституционный Суд РФ при толковании положений Конституции РФ связан этими политическими аксиомами, а также иными объективными законами: нравственными, физическими, экономическими, социальными, культурными. То есть правовые позиции Конституционного Суда РФ призваны конкретизировать нормативные (конституционные) пределы дискреции органов власти на основе учета естественных пределов дискреции.

В период полного обновления правовой системы и принятия новой конституции действие нормативных пределов ослабляется. Если при этом нарушается конституционный порядок разработки и обсуждения новой конституции, можно говорить о полном пренебрежении ими. В результате последствия проведения реформ могут быть прямо противоположны декларируемым целям. Так, к концу 1990-х гг. в стране наблюдался «парад» суверенитетов, едва не приведший к распаду страны, в одном из субъектов Федерации велась военная компания, эффективность управления местными делами снизилась на фоне отсутствия государственного контроля за осуществлением местного самоуправления и увеличения разрыва между населением и местными органами власти, вызванного упразднением в ряде субъектов Федерации низовых территориальных образований; появились такие опасные проявления разложения власти, как «коррупция», сращивание правоохранительных и судебных органов с преступными группировками, а также финансово-промышленными олигархическими группами.

Поэтому начиная с 2000-х гг. институты власти, учрежденные на основе заимствования американских конституционных теорий, стали подвергаться критическому переосмыслению, результатом которого стало наполнение во многом неопределенных понятий федерализма, парламентаризма, местного самоуправления, светского государства собственным содержанием, отличным от западных образцов. Конечной целью этой «работы над ошибками» было установление промежуточного варианта устройства органов власти в Российской Федерации, отражающего идею постепенности развития политической системы. Правда, судебной власти эти корректирующие преобразования не коснулись. Суды по-прежнему находятся вне действия какого-либо внешнего контроля, большинство их полномочий реализуется единолично, контроль над про-

ка и заключения Венецианской комиссии Совета Европы // Противодействие коррупции : конституционно-правовые подходы. М., 2016. С. 340–395 ; Хабриева Т. Я. Коррупция и право : доктринальные подходы к постановке проблемы // Журнал рос. права. 2012. № 6. С. 5–17 ; Богуш Г. И. Понятие коррупции в международном праве и российском законодательстве // Вестник Моск. ун-та. Серия 11, Право. 2004. № 2. С. 76–85 ; Маршакова Н. Н. Понятие коррупции в международно-правовых актах // Рос. юстиция. 2010. № 11. С. 67–71 ; Бухарина Н. П. Понятие и признаки коррупции в международных правовых актах // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 1. С. 166–176).

изводством следственных действий и избранием меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога представляет собой административную процедуру, проводимую при отсутствии состязательности и без реальной проверки достоверности и допустимости доказательств; судебная система слабо реагирует на случаи злоупотребления судебным усмотрением. Все эти явления указывают на необходимость поиска оптимальной модели положения судебных органов в системе власти, согласующейся с параметрами континентальной правовой системы и имеющимся опытом функционирования судов.

Несмотря на то что юрисдикция Европейского суда основана на международном договоре – Европейской конвенции, возможности влияния Европейского суда на национальную правовую систему отличаются от влияния, оказываемого действием классического международного договора. В последнем случае правовые положения международного договора применяются национальными органами власти в интерпретации, позволяющей исключить их противоречие положениям Конституции РФ. Европейская же конвенция применяется наднациональным судебным органом, решения которого должны исполняться по смыслу Европейской конвенции без санкционирующих действий со стороны национальных органов государственной власти. В связи с этим в последнее время приобрели особую актуальность вопросы определения пределов и установления механизма их действия в отношении исполнения решений Европейского суда по правам человека в аспекте обеспечения государственного суверенитета и его соотношения с принципами демократии и верховенства права. Поводом к этому послужило вынесение в отношении России решений, в которых, помимо выплаты компенсации пострадавшему лицу, предписывалась необходимость изменения законодательства и правоприменительной практики. При этом обязательства нормативного свойства устанавливались вне зависимости от природы нормативного акта, противоречащего положениям Конвенции в истолковании Европейского суда. Так, по делу «Константин Маркин против России»¹² Европейский суд рекомендовал Российскому государству внести изменения в п. 3 ст. 11 Закона «О статусе военнослужащих» и в Положение о порядке прохождения военной службы, утвержденное Указом Президента РФ, а по делу «Анчугов и Гладков против Российской Федерации»¹³ Суд признал противоречащей Европейской конвенции ч. 3 ст. 32 Конституции РФ.

Указанные постановления Европейского суда породили дискуссию о том, чему отдавать приоритет в случае противоречия: Конституции РФ или международному договору¹⁴. Но итогом ее стало обозначение пробле-

¹² Дело «Константин Маркин (Konstantin Markin) против России» (жалоба № 30078/06) : постановление Европейского суда по правам человека от 7 октября 2010 г. // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2011. № 4.

¹³ Дело «Анчугов и Гладков (Anchugov and Gladkov) против Российской Федерации» (жалоба № 11157/04, 15162/05) : постановление Европейского суда по правам человека от 4 июля 2013 г. // Там же. 2014. № 2.

¹⁴ См.: *Бланкенагель А., Левин И. В* принципе нельзя, но можно!.. Консти-

мы вовсе не соотношения российской Конституции и Европейской конвенции, поскольку в них «закреплен, по сути дела, совпадающий каталог основных прав и свобод»¹⁵, а проблемы соотношения истолкований данных прав Европейским судом по правам человека и органами государственной власти Российской Федерации, прежде всего Конституционным Судом РФ.

Всякое обязательство политического характера должно быть согласовано органами государственной власти страны, в отношении которой устанавливается обязательство, иначе утрачивается паритетность взаимного положения страны и международного органа. Признать приоритет Европейского суда, значит, уронить авторитет Конституционного Суда РФ и отказаться от суверенных прав Российской Федерации.

В связи с этим В. Д. Зорькин отметил: «Когда те или иные решения Страсбургского суда сомнительны с точки зрения сути самой Европейской конвенции о правах человека и тем более прямым образом затрагивают национальный суверенитет, основополагающие конституционные принципы, Россия вправе выработать защитный механизм от таких решений»¹⁶.

Данный механизм вырабатывался постепенно как реакция на конкретные решения Европейского суда. В постановлении от 6 декабря 2013 г. № 27-П¹⁷ Конституционный Суд РФ признал, что суд общей юрисдикции при пересмотре дела в связи с принятием Европейским судом по правам человека постановления в отношении Российской Федерации может прийти к выводу о невозможности его исполнения, так как необходимо признать не соответствующими Конституции РФ законоположения, в отношении которых Конституционный Суд РФ в конкретном деле уже констатировал отсутствие нарушения ими конституционных прав заявителя. В этом случае суд общей юрисдикции правомочен приостановить

туционный Суд России и дело об обязательности решений Европейского суда по правам человека // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 5. С. 152–162 ; *Кожууров Я. С.* Споры о соотношении Конституции России и Европейской конвенции о защите прав человека : можно ли избежать цугцванга? // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 2 (63). С. 49–54 ; *Лапаева В. В.* Проблема соотношения юридической силы Конституции РФ и Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (по материалам дела «К. Маркин против России»). URL: <http://www.igpran.ru/articles/3909/> ; и др.

¹⁵ *Зорькин В. Д.* Диалог Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского суда по правам человека в контексте конституционного правопорядка : доклад на XIII Междунар. форуме по конституционному правосудию (Санкт-Петербург, 18–20 ноября 2010 г.). URL: <http://www.ksrf.ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=39>

¹⁶ *Зорькин В. Д.* Предел уступчивости // Рос. газета. 2010. 29 окт.

¹⁷ По делу о проверке конституционности положений статьи 11 и пунктов 3 и 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Ленинградского окружного военного суда : постановление Конституционного Суда РФ от 6 декабря 2013 г. № 27-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 50. Ст. 6670.

производство и обратиться в Конституционный Суд РФ с запросом о проверке конституционности этих положений закона.

Федеральным конституционным законом от 4 июня 2014 г. № 9-ФКЗ¹⁸ ст. 101 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» была дополнена ч. 2, в которой сформулированное Конституционным Судом РФ правило было несколько расширено. Во-первых, оно было распространено на все суды. Во-вторых, в качестве основания для обращения в Конституционный Суд РФ был указан вывод суда о возможности применения соответствующего закона только после подтверждения его соответствия Конституции РФ. При этом не имеет значения, рассматривался закон в Конституционном Суде РФ в конкретном деле или нет. В-третьих, вместо термина «суд правомочен» законодатель использовал конструкцию, позволяющую сделать вывод о том, что суд обязан направить запрос в Конституционный Суд РФ о проверке конституционности закона.

В постановлении Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П¹⁹ была сформулирована дополняющая правовая позиция. В соответствии с ней государственные органы, уполномоченные обеспечивать реализацию международных договоров, могут прийти к выводу о невозможности исполнить постановление Европейского суда по правам человека вследствие того, что в части, обязывающей Российскую Федерацию, оно основано на положениях Конвенции в истолковании, приводящем к их расхождению с Конституцией РФ. В этом случае они правомочны обратиться в Конституционный Суд РФ для решения вопроса о возможности исполнения постановления Европейского суда и принятия мер индивидуального и общего характера, направленных на обеспечение выполнения Конвенции. По итогам рассмотрения дела Конституционный Суд РФ может подтвердить невозможность исполнения постановления Европейского суда или его части, так как они основаны на Конвенции в истолковании, противоречащем Конституции РФ. В порядке реализации данного постановления Федеральным конституционным законом от

Л. А. Шарнина. Пределы усмотрения при интернационализации...

¹⁸ О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»: федер. конституц. закон от 4 июня 2014 г. № 9-ФКЗ // Там же. 2014. № 23. Ст. 2922.

¹⁹ По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы: постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П // Там же. 2015. № 30. Ст. 4658.

14 декабря 2015 г. № 7-ФКЗ²⁰ был установлен порядок рассмотрения в Конституционном Суде РФ дел о возможности исполнения решений межгосударственного органа по защите прав и свобод человека.

Таким образом, установленный механизм подтвердил наличие общих конституционных пределов интернационализации правовой системы России, а также общего механизма их действия. Блокирующее действие производится не автоматически и не по усмотрению суда, осуществляющего пересмотр дела в связи с принятием Европейским судом по правам человека постановления, в котором констатируется нарушение прав и свобод человека при применении закона либо отдельных его положений, а также не по усмотрению государственного органа, уполномоченного обеспечивать выполнение Российской Федерацией международных договоров. Подтверждение нарушения норм Конституции РФ истолкованием Европейского суда конвенционных положений осуществляет Конституционный Суд РФ по итогам рассмотрения дела о возможности исполнения его постановления.

Функция, выполняемая Конституционным Судом РФ в отношении казуальных решений против Российской Федерации в части мер общего характера, аналогична по своему значению функции, которую он выполняет в отношении не вступивших в силу международных договоров Российской Федерации. А. Бланкенагель и И. Г. Левин назвали ее функцией «сторожа моста, через который европейские правовые идеи и принципы могут проникнуть в российскую правовую систему»²¹.

В завершение следует сказать, что строение России всегда существенно отличалось от западноевропейских условий, поэтому речь идет о несходных, а не об «отсталых» государственных формах. Ускорять искусственно исторические моменты жизни нельзя. Хотим поспешить и все подогнать, а вместо этого – застреваем. Поэтому задачу нового этапа развития конституционного права России следует усматривать не в слепом копировании, но и не в возвращении к прежним формам государственного устройства, а в усвоении, переработке достижений западного права на основе собственных правовых и культурных традиций.

²⁰ О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»: федер. конституц. закон от 14 декабря 2015 г. № 7-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 51 (ч. 1). Ст. 7229.

²¹ Бланкенагель А., Левин И. В принципе нельзя, но можно!.. С. 156.